

Климатическая политика России между отрицанием и адаптацией

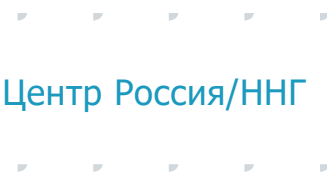

Бобо ЛО

Март 2021

Центр Россия/ННГ

Французский Институт Международных Отношений (Ифри) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

*Данная статья опубликована в рамках проекта
«Обсерватория России, Южного Кавказа и Восточной Европы» при поддержке
Генеральной Дирекции по Международным Дела и Стратегии (DGRIS)
Министерства Армий Франции.*

ISBN: 979-10-373-0318-9

© Все права защищены, Ifri, 2021

Обложка: © Frederic Legrand - COMEO/Shutterstock

Прочитать публикацию:

Бобо Ло, «Климатическая политика России: между отрицанием и адаптацией»,
Russie.Nei.Visions, №121, Ифри, март 2021.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15—FRANCE

Tel.: +33 (0)1 40 61 60 00—Fax: +33 (0)1 40 61 60 60

Email: accueil@ifri.org

Веб-сайт: ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Беларуси, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими международными экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Об авторе

Бобо Ло – ассоциированный исследователь Центра Россия/ННГ во Французском институте международных отношений (Ифри). Ранее он руководил программами «Китай и Россия» в Центре европейских реформ (Centre for European Reform), а также программой «Россия и Евразия» в Chatham House. Работал заместителем главы миссии в посольстве Австралии в Москве. Он также является членом-корреспондентом Lowy Institute (Сидней, Австралия) и старшим научным сотрудником Центра анализа европейской политики (СЕРА) в Вашингтоне, округ Колумбия. Бобо Ло – автор многочисленных публикаций о России. Его последняя книга *A Wary Embrace: What the China-Russia Relationship Means for the World* была опубликована издательством Penguin Random House для Lowy Institute в апреле 2017 года. Его книга *Russia and the New World Disorder* (Brookings and Chatham House, 2015) была охарактеризована журналом *The Economist* как «наиболее успешная попытка объяснить неблагоприятные отношения Россия с остальным миром».

Бобо Ло получил степень магистра в Оксфорде и докторскую степень в университете Мельбурна. Среди его недавних публикаций для Ифри:

- The Return: Russia and the Security Landscape of Northeast Asia // *Russie.Nei.Reports*. № 29. Март 2020.
- Greater Eurasia: The Emperor’s New Clothes or an Idea whose Time Has Come? // *Russie.Nei.Reports*. № 27. Июль 2019.

Краткое содержание

По всей видимости, Россия не разделяет международного консенсуса по климатическим изменениям. Если формально Москва и признаёт угрозу, которую глобальное потепление представляет для всей планеты и, в частности, для нее самой, она не демонстрирует серьёзных намерений по сокращению выбросов углекислого газа или развитию возобновляемых источников энергии. В своём восприятии России как великой державы и субъекта мировой экономики Кремль продолжает ставить упор на центральную роль ископаемых энергоносителей.

Несмотря на происходящие события, такие как таяние вечной мерзлоты, участвовавшие экстремальные природные явления, рост общественного сознания и эволюция в сторону декарбонизации в Европе и Азии, российское правительство продолжает придерживаться избранной линии. Его «адаптационная политика» по климату носит в основном демонстрационный характер и не признаёт необходимости существенных изменений или выбора.

Переход России к постуглеродной экономике на сегодняшний день кажется далеким от реальности. Однако эту возможность не следует и полностью сбрасывать со счетов. Столкнувшись с угрозой остаться в стороне от энергетической революции XXI века, российское руководство, в конечном счёте, может оказаться вынуждено признать несостоятельность своей климатической политики в экологическом, экономическом и, главное, стратегическом отношении. Стоит всё же отметить, что если изменения и станут возможными, они вряд ли будут носить плавный и последовательный характер.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ	7
ОТ РИО ДО ПАРИЖА ЧЕРЕЗ КИТО – ИСКУССТВО СТОЯТЬ НА МЕСТЕ	10
КТО И КАК ФОРМИРУЕТ РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС	13
Ключевые игроки, интересы и мотивации	13
Политическая и стратегическая культура	15
ОСОЗНАНИЕ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ? ПРОЯВЛЕНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ	17
Масштабы ущерба	17
Эволюция общественных настроений	19
«АДАПТАЦИЯ» И ИЛЛЮЗИЯ ПЕРЕМЕН	22
БУДУЩЕЕ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ – КЛЮЧЕВЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	28
Эффект коронавируса	29
Постуглеродное будущее?	30

Введение

Изменение климата является одной из серьёзнейших проблем нашего времени, затрагивающей как развитые, так и развивающиеся страны. Долгое время игнорировавшаяся правительствами, реальность глобального потепления становится одной из немногих международных тем, по которым государствам удаётся прийти к некоторому консенсусу. За небольшим исключением правительства большинства стран признают серьёзность этой проблемы, последствия которой уже невозможно игнорировать.

Однако позиция России по этому вопросу остаётся в некоторой степени маргинальной. С одной стороны, Москва формально признаёт угрозу, которую климатические изменения представляют для мира и для самой России в частности. В сентябре 2019 года правительство России, наконец, ратифицировало Парижское соглашение 2015 года и сформулировало план действий по борьбе с климатическими изменениями¹. С другой стороны, президент Владимир Путин продолжает выражать сомнения относительно роли человеческого фактора в глобальном потеплении, и Россия не предпринимает никаких серьёзных усилий по сокращению выбросов углекислого газа или развитию возобновляемых источников энергии, таких как солнечная или ветровая.

В то время как большая часть развитых стран расширяет использование возобновляемой энергии², Россия концентрирует усилия на развитии добычи ископаемого топлива. Правительственная энергетическая стратегия на период до 2035 года предусматривает дальнейший рост этой добычи как гарантии будущего России в качестве глобальной экономической державы³. В частности,

Переведено с английского Натальей Киселевой-Туле.

1. Статья 7 Парижского соглашения обязывает все Стороны принимать участие в планировании и осуществлении, например, в рамках национальных адаптационных планов, оценок уязвимости, мониторинга и анализа, а также диверсификации экономики. РКИК. <https://unfccc.int>.

2. В 2020 году на долю возобновляемых источников энергии приходилось 90% всех новых энергопроизводящих установок, а к 2025 году они вытеснят уголь как крупнейший энергоресурс. См. *Harvey F.* The Paris Agreement Five Years on: Is It Strong Enough to Avert Climate Catastrophe? // The Guardian. 8 декабря 2020. www.theguardian.com.

3. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года (далее в тексте – Энергетическая Стратегия-2035). 9 июня 2020.

ожидается, что к 2035 году добыча газа достигнет 1 триллиона тонн в год, что на 50% больше, чем в 2019 году, когда этот показатель составлял почти 680 млрд тонн⁴. Москва говорит о климатической «адаптации» - имея в виду принятие мер по адаптации к последствиям изменения климата – но не проявляет никакого интереса к принятию мер по замедлению глобального потепления. Её позиция, по сути, заключается в отрицании климатических изменений.

Как это возможно? Ведь немногие страны испытали за последнее столетие больше негативных экологических последствий потепления климата, чем Россия. Таяние вечной мерзлоты грозит гигантскими финансовыми и экологическими потерями. К тому же, в России существует сильная традиция общественного экологического движения. Советское диссидентское движение зародилось в 1960-е годы в противостоянии загрязняющему окружающую среду целлюлозному заводу на Байкале, а в последние годы в стране прошла серия громких экологических акций протеста. Имея богатую историю научных исследований и высокообразованное население, Россия обладает потенциалом для того, чтобы стать мировым лидером по производству различных видов возобновляемой энергетики, от гидро- до ветровой и солнечной. Несмотря на это Россия входит в число стран с наихудшими результатами в борьбе с климатическими изменениями и экологическими проблемами. Согласно последнему Индексу эффективности борьбы с изменением климата (CCPI), Россия занимает 52-е место в списке из 61 страны, что является худшим показателем из всех бывших советских республик, за исключением Казахстана⁵.

В статье предпринимается попытка объяснить контекст, движущие силы и цели российской климатической политики, а также показать то, как она вписывается в более широкое видение Кремлём места России в мире. Будут затронуты не только очевидные парадоксы и противоречия, но и такие темы как сужение национальных интересов до частных интересов некоторых групп, стратегическое самоутверждение, «реальная политика» (Realpolitik), определяемая оппортунизмом и прагматизмом, а также глубокий консерватизм, враждебный практически любым переменам.

4. Интервью с российским министром энергетики Александром Новаком в: *Ambrose J. Russia Rules Out Cutting Fossil Fuel Production in Next Few Decades // The Guardian*. 1 ноября 2020. www.theguardian.com.

5. CCPI 2020. www.climate-change-performance-index.org.

Базовые принципы

Климатическая политика России опирается на ряд базовых принципов. Важнейшим из них является подчинение этой политики более масштабным стратегическим задачам как на внутреннем, так и на внешнеполитическом уровне. Москва занимается проблемой изменения климата не из альтруистического стремления «спасти планету» и не потому, что считает его экзистенциальной угрозой для России. Уровень внимания со стороны властей зависит от того, насколько климатическая политика будет служить другим, более приоритетным целям. К ним относятся геополитическая и геоэкономическая проекция силы, обеспечение экономического роста, защита рыночных позиций крупных энергетических компаний, таких как Газпром, Роснефть и Новатэк, продвижение имиджа России как ответственного члена мирового сообщества, ответ на беспокойства общества по поводу деградации природной среды России.

Климатическую политику России следует также рассматривать в контексте ухудшения отношений Москвы с Западом. Часть российской правящей элиты полагает, что проблема изменений климата используется с целью подрыва конкурентных преимуществ России в углеводородной отрасли⁶. Подобно тому, как Москва обвиняла Запад в использовании «порядка, основанного на нормах международного права» для прикрытия продвижения своих интересов в ущерб России, сегодня она обвиняет его в климатическом «алармизме» как способе атаковать экономические основы российского государства⁷. С этой точки зрения, европейские усилия по сокращению выбросов углекислого газа и переходу от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии преследуют подспудную цель ослабления рыночных позиций российских энергетических компаний⁸.

6. Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2019 г. №3183-р «Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года». См. также: *Tynkkynen N.* A Great Ecological Power in Global Climate Policy? Framing Climate Change as a Policy Problem in Russian Public Discussion // *Environmental Politics*. Т. 19. №2. Март 2010. С. 190.

7. См. комментарии А. Родина в: A Storm of Hype or a Wind of Hope? Russian Climate Expert Comments on Climate Change // *Newswise*. 15 октября 2019. www.newswise.com.

8. По словам министра экономического развития Максима Решетникова: «Россия крайне обеспокоена попытками использовать климатическую повестку для создания новых

Важно то, что лишь немногие в Москве рассматривают изменения климата как реальную опасность. Вечная мерзлота тает, арктическое ледовое покрытие океана отступает и экстремальные погодные явления случаются чаще, чем когда-либо. Однако Москва рассматривает эти явления либо как затрагивающие относительно небольшое число россиян, либо как проблемы, которые возможно решить (или игнорировать) и последствия которых могут оказаться даже экономически выгодными. Правительство последовательно действует исходя из имплицитного представления, согласно которому «лечение» климатических изменений опаснее, чем сама «болезнь». Таким образом, декарбонизация представляет большую угрозу для российских интересов, чем глобальное потепление, в то время как экологический активизм рассматривается как препятствующий развитию в силу своей непрактичности и эгоцентризма. Даже те политики, которые признают реальность антропогенного изменения климата, считают эту проблему значительно менее важной, чем вывод экономики из рецессии, прекращение снижения уровня жизни, укрепление политической стабильности или утверждение России в качестве независимого центра глобальной мощи. В лучшем случае предотвращение последствий климатических изменений воспринимается как относящееся к долгосрочной перспективе, почти футуристическое стремление.

Эта самоуспокоенность подкрепляется восприятием климатических изменений не как глобального вызова, а как проблемы, которую каждая страна должна решать по своему усмотрению. Москва гораздо более озабочена сохранением своих суверенных прерогатив, чем вырубкой лесов Амазонии или затоплением тихоокеанских островных государств⁹. Поэтому, участвуя в международных переговорах по климату, Россия решительно сопротивляется попыткам установить обязательные для исполнения цели. Она придерживается минималистского подхода, ограничиваясь соблюдением буквы своих договорных обязательств.

барьеров... Механизм корректировки выбросов углекислого газа [ЕС] ... может, по сути, превратиться в новые пошлины... [подобные] механизмы... противоречат правилам ВТО». См. *Russia Believes Carbon Tax Will Contravene WTO Rules – Minister* // Interfax. 24 июля 2020. <https://interfax.com>.

9. В недавнем докладе Валдайского клуба подчёркиваются два аспекта суверенитета в отношении политики по климату: «суверенное право государства на эксплуатацию своих природных ресурсов» и необходимость отстаивания «суверенных интересов всех государств» в многостороннем сотрудничестве по охране окружающей среды. См. *Climate Policy in a Global Risk Society*. Valdai Discussion Club. Декабрь 2020. С. 11. <https://valdaiclub.com>.

Подобное отношение отражает мнение, согласно которому Россия уже внесла должный вклад в дело по спасению природы и должна получить компенсацию за прошлые усилия и жертвы¹⁰. Её леса выступают в качестве крупного «поглотителя» углерода, в то время как её цели по снижению выбросов, рассчитанные по уровню 1990 года, рассматриваются как негласная компенсация за крах российского промышленного производства в 1990-е годы. Соответственно, Москва громогласно заявляет о снижении национальных выбросов углекислого газа с 1990 года, подчёркивая гораздо более существенный «углеродный след» США и Китая¹¹, и сопротивляясь внешнему давлению, направленному на принятие Россией более амбициозных целей.

10. *Mitrova T. и др.* Global Climatic Threat and Russian Economy: Searching for The Way. Skolkovo Energy Centre. Май 2020. С. 56. См. также: *Tynkkynen N.* A Great Ecological Power in Global Climate Policy? С. 183.

11. Большая пресс-конференция Владимира Путина. 19 декабря 2019. kremlin.ru.

От Рио до Парижа через Киото – искусство стоять на месте

Было бы заблуждением воспринимать российскую климатическую политику как естественный переход от откровенного отрицания в начале постсоветского периода к сегодняшнему признанию реальности антропогенного глобального потепления. На протяжении трёх десятилетий наиболее заметной особенностью климатической политики России является её постоянство. Позиция Москвы практически не изменилась от Конференции по климату в Рио-де-Жанейро в 1992 году, на которой была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН), через Киотский протокол 1997 года, до Парижского соглашения 2015 года. Базовые принципы, представленные в предыдущей главе, оставались неизменными на протяжении всего этого периода.

В институциональном плане процесс принятия решений Россией следует знакомой схеме. Москве потребовалось два года для ратификации РКИК ООН, семь лет для ратификации Киотского протокола и четыре года для ратификации Парижского соглашения. Во всех этих случаях договорные обязательства России были минимальными. Однако каждый раз процесс ратификации затягивался не столько в силу проблем, касающихся сути дела, сколько по причине того, что Кремль стремился использовать ратификацию для достижения других целей.

Его подход к Киотскому протоколу служит примером откровенно прагматичного менталитета. Первоначально, когда США ещё были участниками Протокола, Россия стремилась извлечь выгоду путём продажи излишков выбросов крупнейшей и наиболее промышленно развитой экономике мира¹². После выхода США из Киотского протокола в 2001 году, интересы России сменились с узко финансовых на геоэкономические. Рынок квот на выбросы утратил свою

12. В соответствии с условиями Киотского протокола развитые страны взяли на себя обязательство сократить к 2012 году выбросы парниковых газов в среднем на 5,2% по сравнению с уровнем 1990 года. Сэкономленные выбросы могли быть проданы другим странам в виде кредитов.

привлекательность, поскольку главный потенциальный покупатель вышел из игры. Поэтому Путин начал искать другие возможные выгоды. Используя тот факт, что Киотский протокол может вступить в силу только в случае его ратификации Москвой¹³, он фактически поставил эту ратификацию условием, гарантирующим вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО)¹⁴.

На протяжении всего Киотского процесса – от переговоров и подписания до затянувшейся ратификации – российская климатическая политика имела мало общего с экологией¹⁵. Вместо этого, угроза глобального потепления и растущая озабоченность международного сообщества по этому поводу создали условия, позволившие Москве маневрировать, преследуя собственные интересы. Сильное желание ООН и многих стран, подписавших Киотский протокол, увидеть его вступившим в силу, предоставило все шансы России¹⁶. Время также было на её стороне, она могла позволить себе дождаться развития событий в свою пользу.

Прагматичный подход Москвы менее явно проявился и в отношении к Парижскому соглашению, не содержащему финансовых или геоэкономических стимулов, которые облегчили бы ратификацию соглашения Россией. Однако, как и прежде, российская политика была продиктована не столько озабоченностью глобальным потеплением, сколько хладнокровным расчётом издержек и выгод. В тот момент, когда моральный и политический авторитет США оказался на исторически низком уровне, доводы в пользу присоединения России к международному консенсусу стали более убедительными. Ратификация способствовала продвижению её имиджа как ответственного участника мирового сообщества, не налагая при этом серьёзных обязательств. Для Москвы ситуация выглядела беспроблемной¹⁷.

13. *Paton Walsh N.* Russian Vote Saves Kyoto Protocol // The Guardian. 23 октября 2004. www.theguardian.com. Для вступления в силу Киотского протокола его должны были подписать по меньшей мере 55 стран, на долю которых приходится 55% мировых выбросов парниковых газов. Хотя этот «двойной порог» был применён также и к Парижскому соглашению, он был достигнут в течение месяца, поскольку США незамедлительно ратифицировали соглашение президентским указом.

14. *Korppoo A., Karas J. u Grubb M. (ред.)* Russia and the Kyoto Protocol: Opportunities and Challenges. London: Chatham House. 2006. Сс. 19-20.

15. *Ibid.* С. 23.

16. *Gusev A.* Evolution of Russian Climate Policy: From the Kyoto Protocol to the Paris Agreement // L'Europe en Formation. Т. 380. №2. 2016.С. 40.

17. *Smirnov O.* Melting Russia in Zero-Cost Climate-Change Pledge // Asia Times. 1 октября 2019. <https://asiatimes.com>.

Тема постоянства подчёркивается намерением Москвы продлить кредиты периода Киотского протокола. Её настойчивое требование того, чтобы 1990 год оставался ориентиром, по которому должны оцениваться будущие сокращения российских выбросов, лишает смысла обязательство по достижению 25-30-процентного сокращения к 2030 году. Уровень выбросов углекислого газа Россией уже сейчас значительно ниже, чем в советский период (в 2017 году он был на 32% ниже, чем в 1990 году)¹⁸. Таким образом, российское правительство может реализовывать амбициозные планы по расширению добычи ископаемого топлива, выполняя при этом свои договорные обязательства¹⁹.

Как и с Киотским протоколом, московская повестка по Парижскому соглашению имеет мало общего с преследованием экологических целей, таких как принятие мер по замедлению глобального потепления, улучшению качества воздуха или сохранению вечной мерзлоты. Её реальным приоритетом является обеспечение того, чтобы преследование глобальных климатических целей не мешало российским национальным интересам, как они были сформулированы правящей элитой. Как прямо заявила заместитель министра энергетики Анастасия Бондаренко, «реализация международной политики по климату не должна ущемлять интересы стран-производителей энергоресурсов»²⁰. Неудивительно, что результатом подобного мышления становится не политика в сфере климата, а «антиполитика» - заградительная, оппортунистическая и беззастенчиво эгоцентричная.

18. *Ibid.*

19. Наталья Парамонова отмечает отсутствие стимулов «к принятию даже элементарных мер, таких как защита от лесных пожаров, сохранение почв и модернизация промышленности» в: *Paramonova N.* Will EU Green Deal Force Russia to Clean up Its Act? Carnegie Moscow Center. 13 июля 2020. <https://carnegie.ru>.

20. Цит. по: *Smirnov O.* Melting Russia in Zero-Cost Climate-Change Pledge. *Op. cit.*

Кто и как формирует российский политический курс

На формирование российской климатической политики влияют такие факторы, как индивидуальные позиции ключевых игроков, доминирование особых интересов, логика сравнительных преимуществ, а также политическая и стратегическая культура.

Ключевые игроки, интересы и мотивации

Решающее влияние на формирование политики оказывают некоторые политические фигуры и, прежде всего, президент Владимир Путин. Это не означает, что он всемогущ или что он принимает участие в каждом этапе принятия решений. Однако его скептическое отношение к антропогенному фактору изменения климата имеет критическое значение в формировании российской политики последних 20 лет. При этом Путин является представителем той элиты, которая склонна рассматривать чрезвычайность климатической ситуации как либеральную прихоть и гораздо меньшую угрозу, чем, скажем, экономический спад, американский «гегемонизм» или либеральные ценности.

Влияние позиции Путина очевидно не только в содержании российской климатической политики, но и в способе её подачи. Путин старается сохранить гибкость во всём. Он не закрывает никакие возможности и не принимает на себя потенциально обременительные обязательства. Он адаптирует российскую тактику к конкретным обстоятельствам, о чём свидетельствует его успех в проведении особо крупной сделки в рамках Киотского протокола. Жёсткий прагматичный подход России не способствовал её сближению с другими участниками процесса, но для Путина популярность как таковая уже давно не имеет значения.

Помимо этого, российская климатическая политика отражает влияние могущественных частных интересов. Наиболее значимый из них представляет энергетический сектор, составляющий основу

национальной экономики. В 2018 году углеводороды обеспечивали 46% доходов национального бюджета, 65% всех экспортных поступлений и 25% валового внутреннего продукта (ВВП) России²¹. Эти цифры, впечатляющие сами по себе, трансформируются в значительный политический вес ведущих энергетических компаний. Их влияние распространяется на многие сферы государственного управления, но особенно ощущается в блокировании любых шагов на пути к постиндустриальной и постуглеродной экономике.

Таким образом, повестка энергетических компаний тесно увязывается с более широкими стратегическими амбициями путинского режима. Наряду с военной мощью, именно энергетика вынуждает мир считаться с Россией²². Напротив, выбор в пользу постуглеродной экономики обещает длительный и трудный переходный период, экономический кризис и возможную маргинализацию России в краткосрочной и среднесрочной перспективе. На фоне этих рисков долгосрочные преимущества низкоуглеродной или безуглеродной экономики выглядят умозрительными.

То, что можно назвать «углеродным консенсусом» в России, не ограничивается энергетическими интересами. К числу других влиятельных групп относятся Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) и сельскохозяйственный сектор. Влияние РСПП было продемонстрировано в ходе разработки плана правительства России по адаптации к изменению климата в конце 2019 года. В более ранних версиях предусматривалось введение налога на выбросы углекислого газа и штрафов для компаний, превышающих предельные уровни выбросов. Но даже эти не слишком взыскательные меры были впоследствии отменены в пользу беззубого пятилетнего «климатического аудита». Не менее показательной была и причина, которую привёл РСПП для получения возможности размыть положения плана: «Мы должны максимально и безостановочно увеличивать продажи газа, нефти и угля, пока на них ещё есть покупатель [*sic*] ²³». Подобное отношение наблюдается и в сельскохозяйственном секторе, который не проявляет склонности к модификации методов интенсивного агропроизводства с целью

21. *Mitrova T., Yermakov V.* Russia's Energy Strategy-2035: Struggling to Remain Relevant // *Russie.NEI.Reports*. №28. Декабрь 2019. С 19.

22. *Ibid.* С. 17.

23. Комментарий Давида Якобавили, председателя комитета РСПП по корпоративной социальной ответственности и устойчивому развитию. Цит. по: *Gershkovich E.* How Does a Powerful Russian Lobby Plan to Halt Climate Change? With Coal, Oil and Gas // *The Moscow Times*. 15 ноября 2019. www.themoscowtimes.com

сокращения выбросов парниковых газов (ПГ), а придаёт главное значение максимальному увеличению производства и экспорта²⁴.

Политическая и стратегическая культура

Подобные взгляды отражают оппортунистическое, недалновидное мышление и инстинктивный консерватизм, который ищет убежище в привычном. Не следует забывать о том, что Путин и его поколение выросли в советское время, когда об успехе судили практически исключительно по количественным показателям. И хотя с тех пор значение качественных критериев возросло, путинская элита по-прежнему придерживается принципа «чем больше, тем лучше». Стремление к максимальному росту экономического производства обусловлено не только экономическими мотивами, но и более широкими государственными интересами, такими как продвижение России в качестве «энергетической сверхдержавы», «продовольственной сверхдержавы» и так далее.

Принятие решений по вопросам климата, как и в других областях государственной политики, предполагает оценку сравнительных преимуществ и недостатков России. Москва отдаёт приоритет производству ископаемых видов топлива по той причине, что именно в этом заключается сильная сторона России. Она не верит в свои возможности развития постиндустриальной, высокотехнологичной и низкоуглеродной экономики, которая могла бы заменить сегодняшнюю углеродоёмкую промышленную модель. Теоретически такой сдвиг возможен за счёт инвестиций в возобновляемые источники энергии, расширения атомной промышленности и развития рынка водорода (см. ниже). Но по умолчанию Москва выбирает путь наименьшего сопротивления и наибольшей прямой выгоды. А это означает необходимость придерживаться того, что уже хорошо знакомо.

Этот менталитет одновременно подпитывает и подпитывается представлением о мире как об арене интенсивной конкурентной борьбы, где главной директивой правительства выступает непоколебимое отстаивание национальных интересов. Понятие более широкого глобального блага расценивается как наивное или как лицемерное²⁵. Москва рассматривает обращённые к России призывы

24. Russia Reluctant to Adapt Farming to Climate Change. Oxford Analytica. 20 марта 2020.

25. Как отмечает Ф. Лукьянов, «либеральный дискурс о мировом порядке – игра с положительной суммой, в которой предпочтение отдаётся взаимозависимости, а не

других участников взять на себя более амбициозные обязательства по сокращению выбросов углекислого газа как попытки ослабить её конкурентные позиции и международное влияние. В этом контексте «декарбонизация» выступает не как благородное стремление, а как ярлык, маскирующий корыстные цели других игроков²⁶.

конкуренции, а экономика ставится выше безопасности – никогда не воспринимался всерьёз в Москве». См. Trump's Defense Strategy is Perfect for Russia // Russia in Global Affairs. 24 января 2018. <https://eng.globalaffairs.ru>.

26. См., к примеру, комментарий М. Решетникова в: Russia Believes Carbon Tax Will Contravene WTO Rules – Minister. *Op. cit.*

Осознание новой реальности? Проявление воздействия климатических изменений

При всём при этом становится очевидным, что проблемы климата и экологии как никогда ранее проникают в сознание российских элит и общества. Последствия климатических изменений уже не ограничиваются эпизодическими крупными катастрофами или аномальными погодными явлениями, а распространяются теперь на обширные географические зоны. Наблюдаются рекордно высокие температуры и скачки температур, ускоряющееся таяние арктических льдов, беспрецедентный ущерб, нанесённый вечной мерзлоте, которая составляет 60-65% территории Российской Федерации, значительно более частые экстремальные погодные явления (лесные пожары, засухи, наводнения), а также крупные аварии, такие как обширный разлив дизельного топлива из резервуаров Норникеля в мае 2020 года. Если раньше российские политики считали, что изменение климата – это не их проблема, а международные переговоры по климату – это лишь вызывающий раздражение отвлекающий фактор, то случившиеся в России только за последние два года события в области экологии должны заставить их задуматься.

Масштабы ущерба

Две тысячи двадцатый год стал знаковым для российского климата. В июне в сибирском городе Верхоянске была зарегистрирована самая высокая за всю историю температура за полярным кругом – 38°C – в то время как в некоторых других городах она превысила предыдущие рекорды на двузначные числа. По словам руководителя российской метеослужбы, первые шесть месяцев года были самыми тёплыми с момента начала регистрации данных²⁷. Ещё более заметен значительный рост количества лесных пожаров по сравнению с показателями предыдущих лет: в июле 2020 года их

27. Russia Breaks Heat Records in First Half of 2020 // The Moscow Times. 6 июля 2020. www.themoscowtimes.com

начитывалось 600, по сравнению с 400 в 2019 году и в среднем по 100 в год в период с 2013 по 2018 годы. Охватив территорию размером с Грецию, лесные пожары к августу 2020 года стали источником выброса 245 мегатонн углекислого газа, по сравнению с 181 мегатонной за весь 2019 год²⁸. Скорость таяния арктических льдов также оказалась значительно выше, чем ожидалось, и привела к сведению полярного ледяного покрова к его второму наиболее низкому значению за четыре десятилетия²⁹. Еще более критической является беспрецедентная скорость таяния вечной мерзлоты. По оценкам Российской Академии наук к 2080 году она сократится на 25%³⁰. В среднем по стране потепление в два с половиной раза превышает среднемировой уровень³¹.

Какими бы ни были шокирующими эти цифры, они не отражают всей ситуации. Они свидетельствуют об огромном ущербе, нанесённом российской природной среде, но лишь косвенно указывают на экономические последствия. По оценкам Российской Академии наук, сокращение вечной мерзлоты угрожает нанести ущерб материальной инфраструктуре, включая трубопроводы, транспортные артерии и строения, на сумму в 250 млрд долл. США³². По мнению Александра Кислова, учёного из МГУ, таяние вечной мерзлоты может привести к сокращению ВВП России на 8,5% к 2050 году³³, тогда как по оценкам Счётной палаты уже к 2030 году климатические изменения могут привести к 2-3-процентному спаду ВВП³⁴. На микроэкономическом уровне, согласно недавнему отчёту Morgan Stanley денежные потоки Газпрома и Норникеля могут сократиться более чем вдвое в 2022 году³⁵.

Деградация вечной мерзлоты уже привела к одному из крупнейших разливов топлива в истории. Авария на Норникеле в мае 2020 года привела к утечке около 21 тыс. тонн дизельного

28. 2020 Arctic Wildfires Emissions So Far Surpass All of 2019 // The Moscow Times. 31 августа 2020. www.themoscowtimes.com

29. Rising Temperatures Shrink Arctic Sea Ice to Second-Lowest Level on Record // The Guardian. 21 сентября 2020. www.theguardian.com

30. *Smirnov O.* Melting Russia in Zero-Cost Climate-Change Pledge. *Op. cit.*

31. За последнее десятилетие глобальная температура повысилась на 0,47°C. За тот же период средняя температура в России повысилась на 0,47°C, а в Арктике – на 0,81°C. См. *Mitrova T.u др.* Global Climatic Threat. *Op. cit.* С. 37.

32. *Smirnov O.* Melting Russia in Zero-Cost Climate-Change Pledge. *Op. cit.*

33. *Davydova A.* Siberia Swelters in the Age of Climate Change // The Moscow Times. 8 июля 2020. www.themoscowtimes.com.

34. *Kozin D.* Is Russia Finally Waking up to Climate Change? // The Moscow Times. 9 марта 2020. www.themoscowtimes.com.

35. Melting Arctic Permafrost Threatens Russian Energy Firms' Bottom Line – Morgan Stanley // The Moscow Times. 23 июля 2020. www.themoscowtimes.com.

топлива в реку Амбарная и на прилегающие к ней земли – разлив, который по размеру соответствует более чем половине катастрофы, произошедшей на ExxonMobil на Аляске. Как государственные, так и негосударственные источники объяснили аварию тем, что опорные элементы резервуара погрузились в некогда твёрдый, но теперь оттаявший пермафрост³⁶. И это не единичный прецедент. Месяц спустя, на другом объекте Норникеля произошла утечка авиационного топлива, хотя на этот раз ущерб был относительно ограниченным³⁷. Согласно большинству научных прогнозов, подобные аварии будут становиться более частыми по мере ускорения таяния вечной мерзлоты³⁸.

Эволюция общественных настроений

До недавнего времени считалось, что российская общественность не особенно озабочена проблемами глобального потепления. Экологическая активность была практически полностью сосредоточена на местных проблемах: протесты против лесопильного предприятия на озере Байкал в 2010 году, противодействие строительству новой автомагистрали через Химкинский лес на северо-западе Москвы в том же году, жалобы на уровень промышленного загрязнения в Челябинске в 2018 году, а также длительное протестное движение против строительства мусорного полигона в посёлке Шиес (Архангельская область)³⁹. По словам одного из комментаторов, «люди всё ещё не могут установить связь между их непосредственными экологическими проблемами и глобальным изменением климата⁴⁰». Неправительственные организации, такие как Всемирный фонд дикой природы и Гринпис, сталкиваются с трудностями в повышении уровня общественного сознания, не говоря уже о влиянии на государственную политику.

36. *Gershkovich E.* In Siberian Fuel Spill, Climate Change Is Seen as Major Factor // The Moscow Times. 5 июня 2020. www.themoscowtimes.com.

37. Количество разлитого авиационного топлива оценивается в 45 тонн, хотя утечка длилась не более 15 мин. См.: New Fuel Leak Hits Russia's Arctic Weeks After Disastrous Diesel Spill // The Moscow Times. 13 июля 2020. www.themoscowtimes.com.

38. *Kozin D.* Russia's Leading Climate Change Expert Gives Sober Prognosis // The Moscow Times. 4 апреля 2020. www.themoscowtimes.com.

39. Protests Rally Against Lake Baikal's Mill Operations // Reuters. 27 марта 2010. www.reuters.com; *Chirikova Y.* The Battle for Khimki Forest // Open Democracy. 23 августа 2010. www.opendemocracy.net; Residents of Russian City Protest «Black Sky» Air Pollution // Associated Press. 24 декабря 2018. <https://abcnews.go.com>; *Digges C.* Russia's Garbage Protests Raise Central Questions About the Right to a Clean Environment // Bellona. 12 июня 2019. <https://bellona.org>.

40. *Sauer P.* 11,000 Scientists Warn of «Untold Suffering» from Climate Change. Only 4 of them are Russian // The Moscow Times. 8 ноября 2019. www.themoscowtimes.com.

Однако, как показал опрос Левада-центра в декабре 2019 года, настроения в обществе могут измениться. На вопрос «Какая из перечисленных глобальных угроз, стоящих перед человечеством в XXI веке, является наиболее опасной?», респонденты дали несколько неожиданных ответов. Первое место в списке занял ответ «загрязнение окружающей среды», который дали 48% респондентов, опередив многие более ожидаемые ответы, такие как «международный терроризм» (42%), «вооружённые конфликты, войны» (37%), «распространение ядерного оружия и угроза его применения» (31%), «глобальный экономический кризис» (25%). Интересно, что ответ «изменение климата, глобальное потепление» занял четвёртое место в списке глобальных угроз и был дан 34% респондентов. Даже с учётом возможности выбора нескольких ответов, этот результат указывает всё же на растущую экологическую сознательность. Не менее примечательна связь, которую установили респонденты Левада-центра, между повышением температуры и «загрязнением, вызванным деятельностью человека». Шестьдесят семь процентов опрошенных верят в антропогенное изменение климата, в то время как лишь 25% не верят в него.

Не стоит всё же преувеличивать сдвиг в общественных настроениях. Экологическое движение продолжает носить преимущественно локальный характер. На просьбу определить единственную «наиболее серьёзную» экологическую проблему России, на первое место вышел ответ «загрязнение воздуха» (26%). Такие ответы как «утилизация бытовых отходов» (17%), «ядерные отходы» (11%), «истощение природных ресурсов» (9%), «генетически модифицированные продукты питания» (9%) и «загрязнение воды» (9%) опередили ответ «изменение климата». Схожие ответы были даны на вопрос о том, какая экологическая проблема наиболее затрагивает респондентов и их семьи: «загрязнение воздуха» (25%), «загрязнение воды» (15%), «генетически модифицированные продукты питания» (12%), «бытовые отходы» (11%) и лишь затем «изменение климата» (7%)⁴¹.

Кроме того, опрос Левада-центра не содержал вопроса о том, готовы ли респонденты согласиться с ограничениями экономического роста или изменить свой образ жизни в целях смягчения последствий климатических изменений. Опрос ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения), проведённый в августе 2020 года, позволяет предположить отрицательный ответ. Большинство респондентов считают, что ответственность за принятие мер по

41. Environmental Problems. Levada Center. 18 февраля 2020. www.levada.ru.

контролю за изменением климата лежит на правительстве. Более половины опрошенных не желают отказываться от авиаперелётов, перестать пользоваться автомобилем или сменить рацион питания с мясомолочных на растительные продукты. Эти результаты последовали за другим проведённым ранее в том же году исследованием, которое показало, что более двух третей россиян выступают против повышения тарифов на электричество и другие коммунальные услуги с целью развития возобновляемых источников энергии и повышения энергоэффективности⁴².

Тем не менее, сложившееся мнение о том, что российская общественность либо недостаточно осведомлена, либо не озабочена связью между ухудшением экологии и глобальным изменением климата начинает вызывать сомнения, что может иметь потенциально серьёзные последствия для российской политики. Если правительство окажется неспособным смягчить последствия изменения климата, оно может столкнуться с тем, что экология станет ещё одним источником недовольства населения, наряду со снижением уровня жизни, недостаточным социальным обеспечением и коррупцией. Хотя пока нельзя говорить о «чернобыльском моменте», царившая в прошлом официальная самоуспокоенность уже не кажется приемлемой. Сложилась такая ситуация, в которой правительство вынуждено хотя бы делать вид, что принимает меры.

42. Life after Greta Thunberg, or Consumption and Global Warming. ВЦИОМ. 18 августа 2020. <https://wciom.com>.

«Адаптация» и иллюзия перемен

Несомненно, вопрос заключается в том, что означает принимать меры. Ответ Кремля – «адаптироваться», имея в виду адаптацию к последствиям изменений климата. Использование самого термина весьма показательно. Оно предполагает, во-первых, что климатические изменения реальны. Российские учёные и политики уже не склонны отрицать их существование, несмотря на сохраняющиеся сомнения в их антропогенном характере⁴³. Во-вторых, адаптация отражает фаталистическую убежденность в необратимости климатических изменений. России придётся научиться с ними жить, а не пытаться «решить» эту проблему. В-третьих, последствия изменения климата не обязательно полностью негативны, особенно для России. Глобальное потепление приносит не только издержки, но и выгоды. Адаптация означает принятие мер по минимизации первых и максимизации вторых⁴⁴.

Заманчиво было бы выделить нечто позитивное из правительственного плана адаптации к изменениям климата от 25 декабря 2019 года. В этом документе недвусмысленно признаётся факт изменения климата в России с 1970-х годов, а именно повышение температуры в среднем на 0,47° каждые десять лет. В нём подчёркивается влияние глобального потепления на экономическое развитие страны, условия жизни, здоровье населения и инфраструктуры. В нём также упоминается таяние вечной мерзлоты и увеличение частоты экстремальных погодных явлений.

Однако хотя план адаптации и признаёт, что изменение климата представляет собой серьёзный вызов для России, его рекомендации выглядят недостаточными. Их можно разделить на две категории: «превентивная адаптация», направленная на снижение уровня рисков климатических изменений, например, посредством строительства дамб и лесозащитных полос, и «посткризисная адаптация»,

43. *Mitrova T. и др. Global Climatic Threat. Op. cit. Сс. 15-16.* К научному консенсусу присоединился Институт глобального климата и экологии имени академика Ю.А. Израэля. Ирония состоит в том, что сам Юрий Израэль всю свою жизнь придерживался климатического скептицизма.

44. Национальный план мероприятий. *Op. cit. С. 1.*

включающая в себя ликвидацию последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций. При этом удивительно то, что этот план не содержит ни малейшей детализации предусмотренной политики. Почти все 29 мер, перечисленных в приложении к плану, носят институциональный характер и связаны с бюрократической координацией, отчётностью и формальным требованием разработки климатических планов для отдельных секторов экономики (топливно-энергетический комплекс, транспорт, жилищное строительство, рыбное хозяйство и т.д.) Недостаточная содержательность плана от 2019 года заметна в сравнении с правительственной Климатической доктриной от 2009 года, на которую он, по идее, должен опираться⁴⁵.

Кроме того, план не содержит обязательств по сокращению российского «углеродного следа». Напротив, в одной из немногих содержательных частей плана подчёркивается необходимость защиты российских экспортёров от попыток ограничить их конкурентоспособность под предлогом несоблюдения требований климатической безопасности⁴⁶. В этом контексте упоминается о так называемом «углеродном протекционизме», то есть введении Евросоюзом налога на импорт продукции с высоким содержанием углерода из России (и других стран). В плане содержится одно единственное упоминание о необходимости выполнения Россией обязательств по РКИК ООН, но этот момент никак не отражается в перечисленных в приложении мерах по реализации плана. Также ничего не сказано о возобновляемых источниках энергии, промышленных выбросах, разработке энергосберегающих технологий и привлечении к ответственности предприятий, загрязняющих окружающую среду.

45. Климатическая доктрина 2009 года представляет собой документ довольно прогрессивного и просвещённого характера, возможно благодаря президентству в этот момент Дмитрия Медведева. Она признаёт, что «интересы Российской Федерации, связанные с изменениями климата, не ограничиваются её территорией и носят глобальный характер». В ней предусмотрены меры по повышению энергоэффективности во всех секторах экономики, внедрению энергосберегающих технологий, расширению использования возобновляемых и альтернативных источников энергии и повышению топливной эффективности автотранспорта. Изменения климата определены непосредственно как угроза национальной безопасности, а климатическая политика – как катализатор технологической модернизации. Кроме того, в ней гораздо более чётко, чем в плане от 2019 года, говорится о необходимости повышения контроля и строгого соблюдения законодательства, а также содержится предостережение против «коррупционного лоббирования интересов отдельных заинтересованных групп». См.: Утверждена Климатическая доктрина Российской Федерации. 17 декабря 2009. kremlin.ru.

46. Национальный план мероприятий. *Op. cit.* С. 3.

Одним словом, план 2019 года является не чем иным, как фасадом, прикрывающим отсутствие содержания. По всей видимости, он направлен главным образом на то, чтобы продемонстрировать серьёзное отношение российского правительства к проблеме изменения климата и наличие у него стратегии по её решению, отражая при этом стремление к минимальному усилию, выходящему под давлением некоторых влиятельных групп.

Очевидно, что бессодержательность плана по климату символизирует приоритеты правительства. Речь идет не об экологическом проекте, а об экономическом документе, что подчёркивается тем фактом, что ответственность за него возложена на министерство экономического развития и торговли, а не на министерство природных ресурсов и экологии. Таким образом Кремль чётко даёт понять, что он не допустит никаких препятствий на пути расширения и модернизации топливно-экономического комплекса (ТЭК) как «локомотива» российской экономики⁴⁷.

Москва особенно заинтересована в развитии производства, экспорта и внутреннего потребления газа как относительно «чистой» технологии⁴⁸. В этой схеме СПГ (сжиженный природный газ) становится одним из опор не только энергетической стратегии России, но и её проекции в качестве глобального игрока. Так, после запуска проекта «Ямал СПГ» с китайским финансированием, Новатэк планирует ещё несколько проектов на Ямале и на Гыданском полуострове⁴⁹.

Оборотной стороной медали является очевидная неспособность развития возобновляемых источников энергии. В то время как в других промышленно развитых странах, включая таких крупных экспортёров ископаемого топлива как США, адаптация к изменению климата подразумевает расширение использования возобновляемых источников энергии, в России дело обстоит совершенно иначе. В 2018 году на долю солнечной и ветровой энергии приходилось лишь 0,02% всей произведённой в России энергии. Ожидается, что к 2035 году эта доля составит всего 0,7%⁵⁰. Контраст между Россией и другими ведущими экономиками подчёркивается цифрами производства электроэнергии. В 2019 году лишь

47. *Sukhankin S.* Russia's Energy Strategy 2035: A Breakthrough or Another Impasse? // *Eurasia Daily Monitor*. Т. 17. №78. 2 июня 2020. <https://jamestown.org>.

48. См. интервью с российским министром энергетики Александром Новаком в: *Russia Rules Out Cutting Fossil Fuel Production in the Next Few Decades* // *The Guardian*. 1 ноября 2020. www.theguardian.com.

49. *Mitrova T., Yermakov V.* Russia's Energy Strategy-2035. *Op. cit.* С. 35.

50. *Ibid.* С. 37.

0,16% электроэнергии в России было выработано за счёт возобновляемых источников, за исключением гидроэнергетики, в то время как в среднем по миру этот показатель составлял 10%, а в Европе – 20%⁵¹. При этом Москва намерена в ближайшие 15 лет значительно увеличить национальную добычу угля, несмотря на падение мирового спроса⁵².

Российское правительство не только не спешит осваивать альтернативные источники энергии, но и враждебно относится к их распространению. Представляя Энергетическую стратегию-35, министр энергетики Александр Новак назвал глобальную тенденцию продвижения «зелёной» повестки как один из основных вызовов и угроз для российского энергетического сектора⁵³. Как отметил один из наблюдателей, «Россия воспринимает любую внешнюю конкуренцию её позиции лидера на мировом рынке энергетики... как экзистенциальную угрозу, которая должна быть смягчена/ устранена, а не как стимул или потенциальную возможность для адаптации/инноваций⁵⁴». Москва предостерегает от «любого ущемления интересов государств-производителей ресурсов⁵⁵». Соответственно, она грозит противодействием «Новому зелёному курсу» Евросоюза и введению пограничного углеводородного налога, путём обращения в ВТО на том основании, что этот налог повлечёт за собой нарушение принципа справедливой торговли⁵⁶.

51. *Cordell J.* Russia's Coronavirus Recovery Plan Has No Space for Renewables // The Moscow Times. 23 июня 2020. www.themoscowtimes.com.

52. Угольная стратегия до 2035 года предусматривает увеличение добычи угля с 439 млн тонн в 2019 году – что уже является 11-летним рекордом – до 485-668 млн тонн к 2035 году. В то же время мировое потребление угля находится на минимальном за последние 16 лет уровне, и ожидается, что доля угля в производстве электроэнергии в ближайшие несколько лет резко сократится. См. *Sukhankin S.* Coal Strategy 2035: Is Russia Preparing for the Last War? // Eurasia Daily Monitor. Т. 17. №109. 27 июля 2020. <https://jamestown.org>. См. также: *Gerden E.* Russia Eyes Big Plans for Coal Production and Exports // Resource World. Май 2020. <https://resourceworld.com>.

53. К другим вызовам и угрозам относятся: стремительное развитие новых технологий, глобализация энергетического рынка, в частности, сланцевых газа и нефти, а также ужесточение санкций. См. Доклад Александра Новака на заседании Правительства Российской Федерации по вопросу «О проекте Энергетической стратегии на период до 2035 года». <http://government.ru>.

54. *Sukhankin S.* Russia's Energy Strategy 2035. *Op. cit.*

55. Цит. по: *T Mitrova T. u др.* Global Climatic Threat. *Op. cit.* С. 44.

56. По оценкам, приведённым в отчёте КМРГ, пограничный сбор на выбросы углекислого газа может обойтись российским экспортёрам в сумму до 50 млрд евро в форме дополнительных тарифов в период с 2022 по 2030 годы. См. *Russia Will Both Contest and Adjust to EU Carbon Tax.* Oxford Analytica. 12 октября 2020. См. также: *Mitrova T. u др.* Global Climatic Threat. *Op. cit.* С. 49; *Paramonova N.* Will EU Green Deal Force Russia to Clean up Its Act? *Op. cit.*

Таким образом, адаптация не означает признание необходимости перемен, а, скорее, напоминает политику сдерживания. Как отмечается в недавнем докладе Центра энергетики Московской школы управления «Сколково», «адаптация направлена на то, чтобы снизить (избежать) ущерб или использовать благоприятные возможности», в отличие от предотвращения последствий климатических изменений, которое «подразумевает упреждающий подход», включающий снижение энергопотребления, «использование энергии с меньшим углеродным следом», а также сбор, утилизацию и хранение углерода («Carbon Capture Utilization and Storage», CCUS)⁵⁷.

В соответствии с этим подходом, Москва предпочитает говорить о «позитивных» аспектах глобального потепления, чем задерживаться на негативных. В заявлениях правительства, в частности, выделяется три позитивных последствия потепления климата. Во-первых, таяние арктических льдов ускорит открытие Северного морского пути (СМП), тем самым повышая стратегические, экономические и коммерческие преимущества России. Во-вторых, потепление северных регионов России облегчит доступ к богатым природным ресурсам этих регионов. И в-третьих, таяние вечной мерзлоты увеличит площадь земель, пригодных для сельского хозяйства, придавая дополнительный импульс этому и без того быстро развивающемуся сектору⁵⁸.

Кремль также прибегает к смягчённой версии климатического скептицизма. Уже не отрицая в открытой форме научный консенсус относительно антропогенного характера климатических изменений, он всё же склонен ставить его под сомнение. На своей итоговой пресс-конференции в 2019 году Путин заявил, что «никто на самом деле не знает причин изменения климата, по крайней мере, глобального». Он также добавил, что «в истории Земли были периоды потепления и похолодания» и что «очень трудно, если вообще возможно, выяснить

57. *Mitrova T. u др. Global Climatic Threat. Op. cit. Сс. 19-20.*

58. Комментарий В. Катцова, приведённый в *Kozin D. Russia's Leading Climate Change Expert Gives Sober Prognosis. Op. cit.* См. также: *Lustgarten A. The Big Thaw: How Russia Could Dominate a Warming World // New York Times magazine and Pro Publica. 16 декабря 2020. www.propublica.org.* В реальности, предполагаемые позитивные последствия глобального потепления весьма сомнительны: развитие СМП потребует массивных инфраструктурных инвестиций, новые пахотные земли будут находиться на слишком большом расстоянии от сложившихся сельскохозяйственных центров, а существующие пахотные земли будут подвержены более частым засухам. См. *Why Russia Is Ambivalent about Global Warming // The Economist. 19 сентября 2019. www.economist.com.* См. также: *Galeotti M. Putin Is Finally Waking up to Russia's Climate Problem // The Spectator. 28 декабря 2020. www.spectator.co.uk.*

как именно человечество влияет на изменение климата⁵⁹». Помимо этого, в своих снисходительных комментариях в адрес молодой шведской активистки Греты Тунберг он проводит разграничение между якобы реальным и идеалистическим миром: «никто не объяснил Грете, что современный мир сложен и неоднозначен»⁶⁰.

Тем не менее, Путин стремится сохранить положение России на «правильной» стороне, когда речь заходит о международном консенсусе по изменению климата. Нет никаких предпосылок полагать, что Россия будет делать что-либо помимо добросовестного выполнения своих парижских обязательств. Выступление Путина на 75-й ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН содержало лишь несколько строк об изменении климата, но крайне важен тот факт, что в них речь шла об интернационализме и мультилатерализме: «в центре совместных усилий, конечно, должны оставаться и защита окружающей среды, и проблемы изменения климата» и «призываем все государства ответственно подходить к их [многосторонние конвенции, договоры и протоколы в рамках ООН] соблюдению, особенно по достижению целей Парижского соглашения»⁶¹.

Несмотря на скептицизм в адрес антропогенных изменений климата и отказ идти на компромисс в отношении сравнительных преимуществ России, Путин понимает, что международную климатическую политику можно использовать в своих интересах. Позиция Москвы может восприниматься как ретроградная с точки зрения её собственных (не)успехов⁶², но на фоне выхода администрации Трампа из Парижского соглашения и систематического игнорирования ею экологических обязательств, она выглядит гораздо лучше⁶³. Возможно, именно в этом наиболее отчётливо проявляется весь смысл российской политики «адаптации», применимой не только к физическим (экологическим, экономическим) последствиям изменения климата, но и к формируемой ими международной стратегической среде.

59. Большая пресс-конференция Владимира Путина. 19 декабря 2019. *Op. cit.*

60. Vladimir Putin Criticises Greta Thunberg's UN Speech on Climate Change // BBC News. 3 октября 2019. www.bbc.com.

61. 75-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 22 сентября 2020. www.kremlin.ru.

62. Россия занимает четвёртое место в мире по объёму выбросов углекислого газа после Китая, США и Индии. Кроме того, объём выбросов на душу населения в России намного выше, чем в Китае, Индии и государствах – членах ЕС.

63. Тем не менее, климатическая политика была одной из немногих тем, по которым Вашингтону и Москве удалось достигнуть соглашения в годы президентства Трампа (2017-2021). На Мадридском саммите по климату в декабре 2019 года Россия поддержала отказ США от предложения об увеличении компенсации развивающимся странам за потери и ущерб от последствий климатических изменений. См. Adow M. The Climate Debt // Foreign Affairs. Май-Июнь 2020. С. 67.

Будущее климатической политики – ключевые переменные и перспективы

Что касается будущего, вопрос заключается в том, сможет ли Россия расширить определение «адаптации», чтобы привести его в соответствие с постиндустриальной эпохой, в которой возобновляемые источники энергии играют центральную роль, а климатические факторы всё в большей степени определяют государственную политику⁶⁴. Или же многочисленные частные интересы и укоренившееся мышление не позволят такому сдвигу произойти. Какие факторы и вызовы, как внутренние, так и внешние, могут привести к эволюции российской климатической политики? И каковы будут стратегические последствия с точки зрения места России в мире, если она сохранит приверженность нынешнему курсу и продолжит опираться в основном на ископаемые источники энергии?

По всей видимости, будущее не обещает поэтапного изменения российской климатической политики. Энергетическая стратегия-2035 и Угольная стратегия-2035 указывают, что правительство целиком привержено расширению производства и экспорта ископаемого топлива и не располагает планом для перехода – даже постепенного – к возобновляемым источникам энергии. Россия относится к тем странам, которые «неминуемо будут сопротивляться изменениям, потому что они сильно заинтересованы в мировой экономике углеводородного сырья⁶⁵». Таким же образом, Россия не стремится даже к ограниченной декарбонизации обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, где главной целью выступает максимизация производства. Необходимые в этих секторах комплексные реформы могут быть трудными и дорогостоящими, и их

64. *Yergin D.* China to Stand Atop New Global Energy Order. Интервью в *Nikkei Asia*. 6 октября 2020. <https://asia.nikkei.com>.

65. *Podesta J., Stern T.* A Foreign Policy for the Climate // *Foreign Affairs*. Май-Июнь 2020. С. 45.

результаты, скорее всего, будут ощутимы лишь в долгосрочной перспективе⁶⁶.

Эффект коронавируса

Воздействие эпидемии коронавируса служит дополнительным препятствием на пути изменений. Сегодня все правительства озабочены угрозой, которую пандемия представляет для системы здравоохранения, и вызванным ею глобальным экономическим кризисом, наиболее серьёзным со времён Великой депрессии 1930-х годов. Поскольку приоритет отдаётся борьбе с вирусом и восстановлению экономического роста, климатическая политика оказывается маргинализованной – и в России больше, чем где-либо. Внимание общественности, по понятным причинам, также сосредоточено на насущных материальных потребностях. В опросе Левада-центра, проведённом в августе 2020 года, респондентам было предложено перечислить проблемы, вызывающие у них наибольшее беспокойство. Ответ «деградация окружающей среды» (22%) оказался позади целого ряда социально-экономических проблем, таких как «рост цен» (61%), «безработица» (44%), «бедность» (39%), «коррупция» (38%), «доступ к медицинским услугам» (29%), «неравенство» (28%), а также «экономический кризис/снижение объёмов промышленного и сельскохозяйственного производства» (26%)⁶⁷.

Давление, необходимое для принятия мер по борьбе с климатическими изменениями, также уменьшается в результате более сильного воздействия коронавируса на международную политику. Пандемия стала катализатором напряжённости в отношениях между великими державами, в частности, стратегической конфронтации между Вашингтоном и Пекином⁶⁸. Она привела к возникновению такой политической ситуации, в которой большинство ведущих держав – США, Китай, Россия, Индия, Япония, Франция, Германия и Великобритания – более активно занимаются реализацией традиционных приоритетов в области безопасности и геополитики, чем борьбой с нетрадиционными глобальными угрозами, такими как изменение климата или бедность.

66. Russia Reluctant to Adapt Farming to Climate Change // Oxford Analytica. 20 марта 2020.

67. The Most Serious Problems. Levada Center. 30 сентября 2020. www.levada.ru.

68. Lo B. Global Order in the Shadow of the Coronavirus: China, Russia and the West // Lowy Analysis. 28 июля 2020. www.lowyinstitute.org.

По мере того, как правительства будут стремиться к восстановлению экономики всеми возможными способами, включая снятие или ослабление экологических требований, стоит ожидать восстановления спроса на углеводородное сырьё, снизившегося вследствие эпидемии. Как отметил директор Международного энергетического агентства (МЭА) Фатих Бироль, «мировое сообщество предпринимает недостаточно усилий для структурного сокращения выбросов»⁶⁹. Несмотря на то, что пандемия стимулировала использование возобновляемой энергии, нехватка финансирования станет основным препятствием на пути расширения неуглеродных источников энергии, по крайней мере в краткосрочной перспективе. В условиях, когда правительства накапливают долги для поддержки различных пакетов восстановительных мер, немногие думают о финансировании массивного структурного перехода⁷⁰, или находят смелость взять на себя риск вызвать недовольство населения, навязывая потребителям неизбежное (хоть и временное) повышение стоимости энергоносителей. Для России риск был бы ещё более высоким, поскольку её стартовая позиция в движении к постуглеродному будущему находится намного позади других крупных экономик.

Постуглеродное будущее?

Однако даже если переход России к постуглеродной экономике выглядит невероятным в ближайшей перспективе, его не следует полностью сбрасывать со счетов. В ближайшие десятилетия важно будет отслеживать некоторые тенденции. Первая из них - общий сдвиг в глобальной экономике в сторону неуглеродных источников энергии, хотя этот сдвиг, возможно, будет неравномерным. Интересно отметить, что в публикации Российского совета по международным делам за 2016 год прогнозируется, что «в период ... до 2100 года произойдёт радикальная перестройка структуры мирового энергетического баланса. Традиционные источники энергии (нефть, газ, уголь) перестанут играть доминирующую роль и уступят место неуглеродным формам энергии... Для России это означает

69. Цит. по: *Jolly J.* Stop CO₂ Emissions Bouncing Back After COVID Plunge, Says IEA // The Guardian. 13 октября 2020. www.theguardian.com.

70. См. *Yergin D.* How Will the Pandemic Affect the Sprint Away From Fossil Fuels? // The Guardian. 8 октября 2020. www.theguardian.com. По словам Фатиха Бироля, «глобальные инвестиции в возобновляемые источники энергии должны увеличиться с 300 млрд до 1,6 трлн долларов к 2030 году, если мы хотим добиться успеха в борьбе с климатическим кризисом», в: *Jolly J.* Stop CO₂ Emissions Bouncing Back After COVID Plunge, Says IEA. *Op. cit.*

необходимость изменения приоритетов в сторону развития [альтернативной]энергетики в ближайшем будущем»⁷¹.

Согласно этому сценарию, Россия рискует остаться в стороне от энергетической революции XXI века, и становится всё менее конкурентоспособной по отношению к другим ведущим игрокам по мере их перехода к низкоуглеродным и безуглеродным технологиям⁷². По некоторым признакам этот процесс уже происходит. На Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2020 года президент Си Цзиньпин заявил, что Китай до 2030 года достигнет «углеродного пика» и будет стремиться к достижению углеродного нейтралитета к 2060 году⁷³. Независимо от того, достигнет ли Пекин этих целей, сама попытка сделать это будет иметь серьёзные последствия для России. Китай является её крупнейшим покупателем нефти, и Москва также рассчитывает на то, что потребности Китая покроют большую часть дополнительного объёма российского газа (предусмотренного Энергетической стратегией-2035). Даже если Китай продолжит импортировать российскую нефть и газ, быстрое развитие безуглеродных альтернатив, таких как солнечная энергетика, значительно укрепит позиции Пекина на переговорах с Москвой⁷⁴. Между тем, растущее использование возобновляемых источников электроэнергии во всём мире, вероятно, приведёт к снижению мировых цен на сырьё - и доли России в мировом ВВП⁷⁵.

В условиях перехода основных торговых партнёров России – Китая и ЕС –на безуглеродные источники энергии, давление на неё в этом направлении будет усиливаться⁷⁶, и российские политики окажутся перед решающим выбором. Они могут продолжать отрицать реальность и надеяться, что углеводородное сырьё сохранит ведущую роль в мировой экономике⁷⁷. Они могут сделать выбор в пользу

71. *Likhachev V. Energy Revolution. XXI Century. Reset*, в: *Ivanov I., Kortunov A. (ред.) The World in 10 Years // Russian International Affairs Council. 2016. С. 259.*

72. Russian Federation. Climate Action Tracker. 22 сентября 2020. <https://climateactiontracker.org>.

73. Речь Си Цзиньпина на 75-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 22 сентября 2020. www.chinadaily.com.cn. В частности, к 2060 году Китай планирует сократить потребление нефти на 65%, а природного газа – на 75%. См.: *Kapitonov S., Umarov T. Does China Need More Gas from Russia and Central Asia? Carnegie Moscow Center. 12 января 2021. https://carnegie.ru.*

74. *Yergin D. China to Stand Atop New Global Energy Order. Op. cit.*

75. *Mitrova T., Yermakov V. Russia's Energy Strategy-2035. Op. cit. Сс. 20-21.*

76. Татьяна Митрова и соавторы предполагают, что при любом будущем сценарии российские энергетические доходы «стремительно» сократятся к 2040 году, а рост ВВП может быть сведён к менее 1% в год. См.: *Mitrova T и др. Global Climatic Threat. Op. cit. Сс. 50-51.*

77. Оценки пика спроса на нефть значительно варьируют. Даниэль Ергин считает, что это произойдёт к середине 2030-х годов, хотя спрос на нефть и газ сохранится на высоком

реализации амбициозных идей, таких как преобразование российского природного газа в «чистый» водород для рынка ЕС – хотя такого рынка на сегодняшний день не существует, а конверсия может оказаться весьма дорогостоящей⁷⁸. Или же российское правительство может смириться с тем, что мировая экономика XXI века будет постиндустриальной и цифровой⁷⁹, и что ему следует, не теряя времени, наверстать упущенное в области безуглеродного и низкоуглеродного развития⁸⁰.

В этой связи важную роль может сыграть ядерная энергия. Сегодня на неё приходится около 20% российского внутреннего производства энергии. Но первостепенное значение атомной энергетики в ближайшие десятилетия скорее всего станет международным. Россия уже является мировым лидером в этой области, обладающим значительным опытом работы с другими странами. В частности, она поставляет современные водо-водяные реакторы в Китай и в Индию⁸¹. Однако остаётся неясным, сможет ли Россия сохранить своё технологическое и рыночное превосходство в условиях растущей конкуренции со стороны Китая⁸². Кроме того, идея ядерной энергетики как экологически безопасной встречает серьёзное сопротивление, в том числе в России⁸³.

Изменение климата в России станет ещё одной важной переменной. Правительство может позволить себе недооценивать угрозу глобального потепления и таяния арктических льдов,

уровне в 2050 году (в China to Stand Atop New Global Energy Order). Неудивительно, что ОПЕК прогнозирует гораздо более поздний пик добычи нефти – 2045 год. См. *Ambrose J.* OPEC Rejects Projection That Global Demand for Oil Has Peaked // *The Guardian*. 8 октября 2020. www.theguardian.com. По некоторым другим утверждениям коронавирусный кризис приблизил пиковый момент добычи нефти. См.: *Randall T., Warren H.* Peak Oil Is Suddenly Upon Us // *Bloomberg*. 1 декабря 2020. www.bloomberg.com.

78. *Дятел Т.* Водород у ворот: как Россия пытается выйти на новый рынок // *Коммерсантъ*. 8 октября 2020. www.kommersant.ru. См. Также: *Mitrova T. u др.* Global Climatic Threat. Op. cit. С. 54. В идеале, с точки зрения Москвы, Россия продолжала бы экспортировать газ, используя существующую систему трубопроводов, оставляя реализацию процесса декарбонизации - и затраты на него – потребителям в ЕС.

79. Д. Ергин отмечает в этой связи, что коронавирус ускорил переход мира к цифровизации, сжимая годы в месяцы. В: *Yergin D.* How Will the Pandemic Affect the Sprint Away From Fossil Fuels? Op. cit.

80. *Likhachev V.* Energy Revolution. Op. cit. С. 259. См. также: *Mitrova T. u др.* Global Climatic Threat. Op. cit. С. 45.

81. Россия поставила легководные реакторы ВВЭР-1000 для китайской АЭС в Тяньване и индийской АЭС в Куданкуламе.

82. *Birch S.* China Dominates Reactor Connections, Russia Leads Export Market // *Reuters*. 25 сентября 2019. www.reuters.com.

83. См. *Nechepurenko I., Higgins A.* Coming to a Country Near You: A Russian Nuclear Power Plant // *New York Times*. 22 июня 2020. www.nytimes.com. См. также: *Davydova A.* Fossil-Fuel Giant Russia Tiptoes Towards Low-Carbon Future // *Reuters*. 26 марта 2020. www.reuters.com.

поскольку в регионах, покрытых вечной мерзлотой, проживает менее 4% населения. Но ускорение потепления последних лет говорит о том, что в будущем климатические изменения станут гораздо серьезнее и коснутся гораздо большего числа россиян. Экологическая безопасность может занять столь же важное место в общественном сознании, что и более традиционные чаяния, такие как экономическое благосостояние.

Будущая климатическая политика будет также зависеть от международного контекста. В мире, охваченном противостоянием великих держав, России может некоторое время сойти с рук политика бездействия в климатических вопросах. Равным образом, если коронавирус окажется предвестником новых пандемий, можно ожидать, что политики всего мира сосредоточат внимание на решении неотложных чрезвычайных ситуаций, а не на долгосрочных экологических вызовах. Однако полагаться на такие сценарии означало бы доверяться везению, а не здравому смыслу, а именно, надеяться на то, что другие страны будут проявлять ту же самонадеянность, что и Россия, относительно проблемы глобального потепления и перспектив углеводородного сырья (или отвлекаться на другие вопросы), и ту же медлительность в переходе к технологиям, основанным на возобновляемых энергоресурсах. Такие предположения могут оказаться небезопасными, учитывая растущие масштабы и очевидность изменения климата и его последствий для позиции России в мире. Со временем российское руководство будет вынуждено осознать несостоятельность её нынешней климатической политики с экологической, экономической и, прежде всего, стратегической точки зрения.

Однако необходимо признать, что сегодня российские политики ещё весьма далеки от этого понимания. Дальновидность не является сильной чертой российской внутренней и внешней политики, особенно при президентстве Владимира Путина. На сегодняшний день нет никаких оснований ожидать серьёзных изменений, если только они не будут вызваны факторами, неподконтрольными режиму, такими как технологические инновации в других странах, глобальный переход к декарбонизации и растущее сопротивление традиционному углеводородному сырью (или его устаревание). Пока этого не произойдёт, российское правительство будет продолжать тянуть время, как в силу естественной склонности, так и под влиянием мощных частных интересов. Оно будет разыгрывать адаптационную карту, надеясь избежать необходимости трудного выбора. Если в России и появится настоящая климатическая

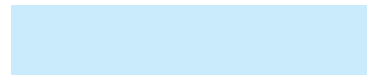
политика, есть риск, что она станет результатом не тщательно продуманной и реализуемой стратегии, а беспорядочного и несогласованного ответа на форс-мажорные обстоятельства.

Последние публикации

Russie.Nei.Visions

- [Суханкин С., «Российские частные военные компании в субсахарской Африке: роль, преимущества и ограничения»](#), Russie.Nei.Visions, № 120, сентябрь 2020.
- [Пятаков А., «Россия-Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения»](#), Russie.Nei.Visions, № 119, июль 2020.
- [Баев П., «Трансформация российской стратегической культуры: влияние локальных конфликтов и глобального противостояния»](#), Russie.Nei.Visions, № 118, июль 2020.
- [Ларюэль М., «Успехи и слабости политики России в Арктике»](#), Russie.Nei.Visions, № 117, март 2020.
- [Захаров А., «Друзья познаются в беде: Куда идёт российско-индийское стратегическое партнерство?»](#), Russie.Nei.Visions, № 116, октябрь 2019.
- [Баев П., «Ядерная модернизация России и "чудо-ракеты" Владимира Путина: мифы и реальность»](#), Russie.Nei.Visions, № 115, август 2019.
- [Калика А., «Активизация политики России в Африке и её ограничения»](#), Russie.Nei.Visions, № 114, апрель 2019.
- [Ларюэль М., «Неформальные военизированные группы в России и их использование в стране и за рубежом»](#), Russie.Nei.Visions, № 113, апрель 2019.
- [Роллан Н., «Влияние Китая в странах Восточной Европы и Южного Кавказа»](#), Russie.Nei.Visions, № 112, декабрь 2018.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: souin@ifri.org

Institut français
des relations
internationales

